

Ленц также в своих «Anmerkungen übers Theater» («Замечания о театре»), частично восходящих к прочитанным зимой 1771—1772 г в Страсбурге докладам, решительно отверг драматургию, присягнувшую Аристотелю, и действовавшую еще тогда нормативную эстетику. Аристотелевы и обновленные Лессингом определения трагедии и комедии он поставил с ног на голову и определил задачей поэта подражание «природе», т. е. познаваемому миру. В Шекспире Ленц видел напряженное взаимодействие между трагедией и комедией и свободу от правил. Люди Шекспира сами по себе не есть характеры, они определяются своим положением, своими слабостями и предрассудками. В 1774 г. Ленц перевел на немецкий пьесу Шекспира «Love's Labour's Lost» («Бесплодные усилия любви») под заглавием «Amor vincit omnia».

Уже первая драма Ленца «Der Hofmeister oder Vorteile der Privaterziehung» («Гофмейстер, или Польза частного воспитания», 1772—1773) ориентирована на шекспировское построение драмы, на что указывает отсутствие единства времени, места и действия. Переводы Карамзина «Эмилии Галотти» Лессинга и «Юлия Цезаря» Шекспира могли возникнуть под влиянием Ленца. Вместе с тем в предисловии к своему переводу «Юлия Цезаря» Карамзин использовал статью Виланда «Der Geist Shakespears» («Дух Шекспира», 1773), в которой с восхищением говорилось о глубоком понимании человеческой природы, присущем Шекспиру.²⁴

В кругу московских масонов и просветителей, и особенно между А. Петровым и Карамзиным, шли плодотворные дискуссии о соотношении гения и природы. В Шекспире Карамзин видит гения, который сам, как природа, и поэтому не связан правилами. Идея, что гений может пренебрегать правилами, восходит, очевидно, через посредство Ленца к Мерсье.²⁵ Карамзин, во всяком случае, идентифицирует «природу» и шекспировский гений. Х. Роте по этому поводу указывает на то, что Карамзин под гениальной природой Шекспира понимал его способность к познанию.²⁶

Особенно интересными представляются шекспировские герои в связи с новым пониманием личности и культом гениальности. Согласно Х. Г. Шварцу, здесь происходит разрыв с традиционным принципом подражания, отчасти из-за исторического мышления, с его оправданием своеобразия и индивидуальности, которое способствовало преодолению нормативной эстетики. Гораздо важнее новое понимание человека,

²⁴ См. Кафанова О. Б. «Юлий Цезарь» Шекспира в переводе Н. М. Карамзина // Русская литература 1983 № 2 С. 158—163

²⁵ Cross A. G. N. M. Karamzin A Study of His Literary Career London and Amsterdam, 1971 P. 16—17

²⁶ Rothe H. N. M. Karamzins europaische Reise Der Beginn des russischen Romans Berlin, Zurich, 1968 S. 57—65, особенно S. 64